

Противник, видя его невозмутимость, будто бил по вате, лишь усилил нападку, начал оскорблять происхождение Тан Тана. Он знал, что Тан Тан — сирота, и высказал все самые гнусные слова. В конце концов, он спросил Тан Тана, что за человек может выложить крупную сумму денег, чтобы играть с сиротой, как с какой-то безделушкой.

Он громко смеясь спросил Тан Тана, не заключил ли он какую-то постыдную сделку.

Деньги и прекрасный юноша — эти две вещи вместе всегда вызывают тошнотворное, удушающее ощущение, подобное грязи.

Тот человек добавил, что тот, кто дал ему деньги, возможно, тоже убудок.

Грязные слова, несущие уродливую человеческую сущность, разлетелись повсюду. Пороховая бочка Тан Тана мгновенно воспламенилась, он как маленький лев бросился вперёд, схватил соседа по комнате за одежду и потребовал извинений.

Извиниться перед господином Сы.

Обижать его самого можно, но оскорблять господина Сы — нет.

В конце концов, импульсивная перепалка переросла в ожесточённую драку.

Юношеский пыл, в пылу драки Тан Тан уже не мог себя сдерживать.

Куратор вызвал Тан Тана в кабинет. Тан Тан, обращаясь к обычно заботившемуся о нём преподавателю, с негодованием рассказал о клевете соседа. Кто бы мог подумать, что куратор велел ему успокоиться, сказав, что тот раненый сосед — местный, с огромными связями, и предложил хорошенько подумать: если он поделится частью денег или послушается его, он поможет уладить это дело.

Тан Тан был потрясён.

Конечным результатом стало то, что его окончательно и бесповоротно признали виновным в умышленном причинении вреда здоровью.

Сирота. Без родителей, без связей, без поддержки.

Сирота, которого общество задавит, как бы он ни сопротивлялся.

Что такое тюрьма, как прекрасный ребёнок пережил эти несколько месяцев — Сы Ханьцзюэ боялся даже думать.

Он был на голову выше Тан Тана. Когда он обнимал ребёнка, то был подобен огромному дереву, укрывающему от ветра и дождя.

— Всё в порядке, — Сы Ханьцзюэ снова и снова гладил спину Тан Тана, вздымавшуюся от рыданий.

Через ладонь скользили один за другим чётко проступавшие из-за худобы позвонки, вызывая внутреннюю дрожь. Голос мужчины таил в себе обжигающее пламя, но для Тан Тана он сохранял лишь самую мягкую температуру, — всё в порядке, я здесь.

Вскоре начался апелляционный процесс. Были представлены многочисленные доказательства, ранее скрытые по человеческой воле: финансовые потоки между куратором и тем студентом,

переписка, случайно записанный другим соседом, звонившим по телефону, фрагмент разговора, соседи и однокурсники, которых ранее запугали и они не решались давать показания, и так далее. Дело Тан Тана было пересмотрено, его оправдали и освободили. Куратора и того соседа, наоборот, отправили в тюрьму, похоронив их будущее.

Это была их вторая встреча.

После этого Сы Ханьцзюэ повёл Тан Тана поужинать в один ресторан. Тан Тан достал и подарил ему точно такую же железную конфету-мишку LI**IS с шампанским. Улыбка играла в сладких ямочках на его щеках, скрывая начинающую прорастать искру глубокой привязанности.

— Спасибо за железного мишку, господин Сы, — сияющие глаза Тан Тана пылающе смотрели на Сы Ханьцзюэ.

Он произнёс медленно, слово за словом, серьёзно, — он действительно очень сладкий.

В двадцать первом веке он с крошечным упорством называл Сы Ханьцзюэ господином Сы.

Это обращение было подобно тонкому небесно-голубому фарфору или тёмно-синему переплёту старинных книг, сочащемуся шёлковыми нитями на кончике языка, окутанному нежной и насыщенной прелестью.

— Главное, что тебе нравится, — сказал Сы Ханьцзюэ.

— Господину Сы тоже нравятся железные мишки, — улыбнулся Тан Тан. — Господину Сы любит конфеты?

Сы Ханьцзюэ как раз выбирал блюда. Его взгляд оторвался от обилия кушаний, скользнул по лицу Тан Тана — подобно льдинке, которая, кажется, растает без следа под солнечным светом, — и, опустив голову, произнёс:

— Люблю.

Тан Тан промычал угу и, когда Сы Ханьцзюэ закончил заказ, попивая аперитив, словно между прочим спросил:

— У господина Сы есть семья?

Сы Ханьцзюэ спокойно ответил:

— Нет.

В глазах Тан Тана вспыхнула улыбка.

— Тогда... у господина Сы есть любимый человек?

Сы Ханьцзюэ сжал губы и промолчал.

Ребёнок, пытавшийся скрыть свои чувства, был похож на детёныша оленя, ещё не осознавшего опасность, простодушного до глупости.

Но в тот момент Сы Ханьцзюэ не был уверен в своих чувствах к Тан Тану.

Возможно, он был немного тронут, но мощный инстинкт холодного рассудка подсказывал ему, что сейчас определённо не лучшее время для романтических отношений. Сы Ханьцзюэ думал, что уж точно не время для скандальной связи двух мужчин в его окружении, да и ему ещё нужно было разобраться с Сы Чэном — что, если он не сможет защитить Тан Тана?

Поэтому он ничего не сказал, нахмурился и отвёл взгляд в сторону.

Как раз в этот момент подошла красивая официантка с блюдами. Взгляд Сы Ханьцзюэ задержался на ней на несколько секунд. Тан Тан вдруг спросил:

— Господину Сы нравятся девушки или юноши?

Сы Ханьцзюэ помнил свою реакцию. Он повернул голову, слегка удивлённый, с полуулыбкой разглядывая напряжённое выражение лица ребёнка, но не ответил.

Свет ожидания в глазах Тан Тана медленно угас, и внезапно его охватил страх.

Этот страх достиг пика, когда взгляд Сы Ханьцзюэ естественно устремился на официантку.

Он тоже смотрел на ту официантку. Огромная, паническая тревога расплзлась в его сердце. Он думал, что ориентация господина Сы, возможно, совершенно нормальна. Он думал, что господин Сы может счесть его отвратительным. Он думал, что господину Сы должны нравиться такие красивые девушки.

Ему не стоит перегибать палку.

Тан Тан не был человеком, который легко отдаётся чувствам.

Он казался открытым и добродушным, но внутри был упрямее любого.

Из-за молодости в его взгляде на любовь присутствовала свойственная лишь юношеству, полная уверенности в своей правоте, стойкость.

Если только это не тот, кого он глубоко любит, никто не заставит его склонить голову, заставит так тревожиться и сомневаться.

Он знал, что ему нравятся мужчины, и думал: если тот, кого он любит, не полюбит его, он предпочтёт одинокую старость и искренне пожелает тому счастья.

Он верил в любовь раз в жизни, на всю жизнь.

Спустя долгое время Тан Тан опустил голову, скрывая влажный блеск в глазах, и усмехнулся с иронией:

— Господин Сы хороший человек. Это я позволил себе лишнее.

Сы Ханьцзюэ нахмурился и внезапно почувствовал, что, возможно, не стоило так поступать.

Ему не следовало из-за собственных опасений уходить от ответа на вопрос Тан Тана. Хотя это и был неплохой коммерческий опыт, но в подобных делах, похоже, не очень работало.

Сы Ханьцзюэ пошевелил губами, желая что-то сказать, чтобы исправить ситуацию, но Тан Тан уже исцелился самостоятельно. С улыбкой он заговорил о том, что будет после возвращения в школу, о том, как обрадуются дети из приюта, увидев его, о том, как он благодарен господину

Сы.

Самое важное дело было наполовину скрыто, наполовину проигнорировано.

Сы Ханьцзюэ никогда не был в отношениях. Он не знал, как следует поступить.

В итоге он ничего не сделал.

...

Мысли Сы Ханьцзюэ улетели. Тан Сяотан долго не дожидался ответа и недовольно поджал маленький ротик.

Конфетка больше не спрашивает.

Хм.

Тан Сяотан плюхнулся на попу, повернувшись спиной к хозяину, достал половину желейной конфеты, оставшуюся с утра, обнял её и, дуясь, принялся откусывать большими кусками.

Хрум-хрум, хрум-хрум.

Конфетка недовольна, конфетка будет объедаться!

— Сяотан, — усмехнулся Сы Ханьцзюэ. — Игнорируешь меня?

Не слышу, не слышу, хозяин бормочет.

Тан Сяотан высокомерно фыркнул.

Сы Ханьцзюэ вытянул два пальца и, проказничая, зацепил ими краешек маленьких трусиков желейного мишки, потихоньку подтягивая его к себе.

Тан Сяотан как раз сердито грыз конфету, как вдруг увидел, что конфетка, которую он только что держал в объятиях, отдаляется от него всё дальше и дальше.

Тан Сяотан страшно перепугался.

Эй, куда это конфетка сбежала?!

Вскоре Тан Сяотан обнаружил проказу хозяина, а также то, что край трусиков приподнят, обнажая две половинки попки, нежные, как желе.

Тан Сяотан надулся и прикрыл свои трусики.

— Хозяин плохой, хм.

Сы Ханьцзюэ щёлкнул по большой голове желейного мишки, выпрямился и серьёзно сказал:

— Отвечаю на твой предыдущий вопрос.

Тан Сяотан широко раскрыл глаза.

— До встречи с тобой мне не нравились мальчики, — Сы Ханьцзюэ скрестил руки, положив их на стол.

Прохладная поверхность стола немного охладила его взволнованное сердце, — Сяотан, но после встречи с тобой я подумал, что, возможно, это не так уж и невозможно.

— Говорят, истинные чувства не зависят от пола, не важна раса. Перед лицом Небес все чувства равны.

— Для меня это тоже первый опыт чувств, не ограниченных полом. Мы можем вместе исследовать, как не обмануть дар Небес. Поэтому в будущем прошу тебя меня многому научить.

Сы Ханьцзюэ протянул руку — жест снисхождения, уважения, ожидающий ответа.

Тан Сяотан был изумлён, его круглые глаза почти перестали моргать.

<http://bllate.org/book/15589/1395455>